

Гендерная специфика русской и немецкой устной академической коммуникации

© доктор филологических наук А.В. Кирилина, 2010

Статья посвящена сравнительному анализу данных, полученных при изучении гендерных аспектов академической коммуникации в немецкой и русской научной среде, также содержит некоторые методологические выводы, обусловленные эмпирией.

Сопоставляются результаты, полученные в 90-е годы XX века немецкими учеными в ходе выполнения проекта “*Kommunikative Konfliktpotentiale zwischen Frauen und Männern*” (Потенциальные коммуникативные конфликты между мужчинами и женщинами – *перевод наш.* – А.К.) [Baron 1996a, 1996b, 1998; Барон 2005], и результаты изучения гендерной специфики согласия/несогласия в устной научной дискуссии, полученные в первом десятилетии XXI века при реализации руководимого автором доклада проекта «Научные основы профессиональной институциональной коммуникации» [Кирилина, Маслова 2007; Маслова 2007; Маслова, Кирилина 2008; Кирилина, Маслова 2009].

Оба проекта имеют сходные предмет и объект; построены на сходных методологических (социоконструктивистских) основаниях (подробнее см. [Кирилина 2010]). В фокусе внимания находится гендерная специфика выражения согласия/несогласия (С/НС) и ее коммуникативно-прагматическая значимость¹.

В характере и условиях протекания немецкого и русского институционального общения обнаруживается сходство:

1. степень выраженности речевого поведения тесно связана с закреплённостью различных формальных/институциональных структур;
2. в институциональном контексте несогласие не только служит деловому обсуждению темы, но и представляет собой инструмент создания и поддержания статуса/ социального престижа;
3. «косвенность» критики, завуалированность истинных намерений критикующего является главной особенностью выражения несогласия в академической среде. Доминирует стратегия неконфронтативности. Репертуар средств маскировки несогласия широк и во многом совпадает в немецкой и русской академической коммуникации (квазивопросы;

¹ Феномен С/НС рассматривается широко и включает такие речевые акты, как полное и частичное, прямое и косвенное согласие, похвалу, совет, порицание, критику, ответ на критику и т.п.

особенности интонирования; определенный набор лексических и стилистических средств (инициальная похвала; применение модальных формул неуверенности); ирония (только в немецком материале); несогласие под видом уточнения; выражение совета (только в русском материале для лиц с высоким внешним статусом).

Гендерно предпочтительные формы согласия/несогласия также обнаруживают совпадения. В выступлениях ученых-женщин отмечают-ся:

- самокритика (... *das sei jetzt bestimmt überzogen, aber auch 'n bißchen provokativ* / *Сейчас это, конечно, натянуто, а также несколько провокационно...*);

- предвосхищение критики (*Also, wie gesagt, ich hab das Gefühl gehabt, dass ich mein, äh, Versprechen nur zur Hälfte eingelöst hab, und... / Как я уже сказала, у меня такое чувство, что я свое ээ обещание только наполовину исполнила...; Вот мне так кажется, конечно, не без доли субъективизма*);

- самоограничения, прежде всего содержательного и количественного параметров высказывания (*Ich habe da nur einen ganz kleinen Abschnitt bearbeitet / Я обработала лишь только небольшой фрагмент!; Das kann sicher nicht alles erklären / Это объяснение, конечно, не является универсальным* [Baron 1996a: 126; Маслова 2007: 101 и след.].

Кроме того, в немецком исследовании отмечается:

- Тезисы женщин в среднем ограничиваются частной точкой зрения; у женщин отмечаются более редкие ссылки на авторитет, цитаты, обучения, а также упоминание знакомств с видными людьми и замечания о значимости собственных достижений.

- Женщины обнаруживают тенденцию чаще проявлять себя как говорящий субъект: они меньше подчеркивают свою институциональную роль и отказываются от характерных для научного языка «скрытых перформативов». Ученые-мужчины, заявляя вопрос или краткое замечание, чаще переходят в формат доклада, совершая развернутые монологические высказывания.

- Редкое использование иронии женщинами при несогласии.

- Предпочтение менее интенсивных тактик «косвенности» критики.

- Выбор прямых форм высказывания приводит не к прямой критике, а к тому, что противоположное мнение (только в контексте официальной коммуникации!) преподносится очень осторожно (заявленные «дополнение» или «переспрос» сохраняют свое прямое значение) [Baron 1996a: 126 и след.].

В российской научной дискуссии в женских выступлениях отмечены формулы, выражающие готовность строго соблюдать институциональные нормы коммуникации, особенно регламент (*я понимаю/ что все уже устали, я постараюсь так сказать строго придерживаться регламента/ и даже может быть раньше закончить* и т. п.) [Маслова 2007: 101 и след.].

Различия в результатах нем и русского исследований

1. Различия в институциональном фрейме: различное количественное соотношение мужчин и женщин в немецкой и русской академических средах. В германских университетах и по сей день преобладают мужчины, женщины часто занимают подчиненные должности, а также – что подчеркивает Б. Барон – в целом реже берут слово в дискуссиях даже в разнополых группах с преобладанием женщин.

В исследованной русской научной коммуникации эти выводы не подтвердились или оказались выраженными значительно менее ярко. Отечественные исследования строились на данных гуманитарной сферы, в которой женщины преобладают, занимая, в том числе, и значительное (хотя и не подавляющее) число руководящих позиций (профессор, зав. кафедрой, декан, проректор, ректор и т. п.).

2. Б. Барон отмечает: «Иногда наблюдается, что защиту точки зрения докладчицы, стоящей на средней или низшей ступени научной иерархии, берет на себя мужчина с более высоким социальным статусом, который вместо нее отвечает на критику» [Барон 2005: 532-533]. В отечественном же научном общении сходная ситуация не обнаружила гендерной специфики.

3. Важным средством маскировки критики в немецкой академической коммуникации является ирония, которая, однако, практически не используется женщинами. Б. Барон считает этот факт стабильным гендерно специфичным признаком. В русской академической коммуникации не выявлено расхождений по данному параметру. Более того, ирония практически не встречается исследованном русском материале.

4. В немецкой дискуссии, «заявляя о своем желании выступить, женщины-специалисты высказываются короче, их выступления демонстрируют меньшую приверженность стандарту литературного языка, однако за рамками высказывания чаще дополняются самоэксplikациями» [Барон 2005: 533]. По материалам российских дискуссий можно, напротив, заключить, что от литературной нормы речь женщин не отклоняется. Вместе с тем в русском общении зафиксированы случаи (нечастые – всего 13 реплик трех докладчиков-мужчин) серьезного на-

рушения институциональных норм (резкая отповедь, грубость в ответ на вежливо высказанное несогласие) [Маслова, 2007: 101 и след.]:

О: . Нет/ это не нужно вводить/ это после Сократа

Д: . Ну может вы помолчите хоть чуть-чуть/ хотя бы тридцать секунд// Если не трудно// Э-э вот// <...> Вы не можете молчать/ я вижу// <...>

Заключение

И в немецкой, и в русской академической среде женщины-ученые в роли докладчиц, руководителей секций и участников дискуссий обнаруживают иные, нежели их коллеги-мужчины, тенденции к построению своих высказываний. Для женского вербального поведения в рассматриваемом жанре общения более характерна стратегия негативной самопрезентации, а для мужской – стратегия положительного преподнесения себя как знающего и авторитетного специалиста.

И хотя оба исследования убедительно показали, что не существует прямой зависимости между стилистическими средствами и целью высказывания, все же практически все названные речевые тактики, свойственные женщинам, имеют негативные последствия для их профессионального имиджа, так как ассоциируются с некомпетентностью и непрофессионализмом в данном типе коммуникативного пространства.

Полученные результаты позволяют также сформулировать некоторые методологические выводы для дальнейших отечественных исследований, в которых концептуализация понятия «гендерные различия» обнаруживает чрезвычайную пестроту.

Несмотря на довольно широкое распространение гендерной проблематики в отечественном научном описании последних лет, все еще недостаточно осознается связь гендерного подхода с социоконструктивистскими и социоконструкционистскими теориями и вытекающая из этой связи методология лингвистического исследования гендера, рассматривающая его не столько как индивидуальную, сколько как социальную конструкцию, в значительной степени зависящую не от пола индивида, а от его конформности и согласия/несогласия встраиваться в имеющуюся гендерную «систему координат», то есть от степени интенсивности конструирования гендера.

Изучение манифестации гендера в языке представляет собой поэтому исследование одной из социальных инструкций по усвоению «мироустройства», а изучение гендерной составляющей коммуникации направлено на выявление способов воспроизводства / коррекции / ниспровержения индивидом этого мироустройства.

Анализ устной академической коммуникации (в данном случае – на русском материале в его сопоставлении с немецким) позволил сформулировать следующие положения:

1. Гендерные различия и сегодня нередко пытаются обнаружить, пускаясь на поиски различий в частоте употребления различных частей речи, определенных слов, эмоциональных высказываний и т. п. Критерии разграничения лежат, однако, как правило, вне языка – в сфере мотивации и системы ценностей коммуникантов. Следовательно, для анализа гендерной специфики более подходят теории, базирующиеся на прагматике – теория речевых актов, теория прагматического контекста, теория коммуникативной адаптации и иные социально-философские и психологические теории личности.

2. Гендерные различия в профессиональной коммуникации могут быть связаны с разным пониманием социального престижа мужчинами и женщинами вследствие неодинаковых социализационных установок, что ведет к различной коммуникативной (отнюдь не всегда речевой) манифестации одного и того же стремления – повысить или сохранить свой престиж и статус.

3. Конструирование гендера в профессиональной среде связано с конструированием статуса компетентного лица (эксперта). Общепринятым (конвенциональным) в большей степени является мужской способ репрезентации своей компетентности, что в профессиональной коммуникации делает конструирование женственности фактором, снижающим статус эксперта.

4. Гендерный параметр проявляется с различной степенью интенсивности, которая зависит от взаимодействия с другими параметрами индивида: статусом, возрастом, компетентностью и т. п.². Наиболее интенсивно проявляется тот из них, различия по которому наиболее велики. Коммуникативное поведение отдельных мужчин и женщин может существенно отклоняться от среднего «гендерного стандарта». Однако такое отклонение следует объяснять общими закономерностями коммуникации и интерпретировать с позиции взаимодействия параметров коммуниканта.

5. Одна и та же реплика, произнесенная мужчиной или женщиной в сходном контексте, может вызвать разную реакцию и интерпретироваться по-разному вследствие ранее сформированной предубежденности, которую общество прививает своим членам в ходе социализации. Сле-

² Интенсивность проявления гендера в коммуникации также зависит и от установок других коммуникантов, однако этот вопрос требует отдельного обсуждения.

довательно, существуют заданные, доопытные оценки; наиболее яркие из них – гендерные стереотипы.

6. Гендерные стереотипы влияют на сознание исследователя, задавая его мысли стандартное направление, что в ряде случаев сказывается на интерпретации результатов исследования.

7. Следует различать эксплицитное и имплицитное конструирование гендера в речевом поведении коммуникантов; наибольший интерес представляют имплицитные способы, так как они осознаются слабо или не осознаются коммуникантом вообще.

8. В условиях динамической синхронии, то есть ускоренного темпа изменений языка и всей жизни человека и общества, необходимо учитывать и динамичность гендерного конструкта; его динамика, однако, далеко не всегда однонаправленна. Конструирование гендера в коммуникации может коррелировать с доминирующими на данном этапе в обществе гендерными репрезентациями.

Л и т е р а т у р а

1. Барон Б. «Закрытое общество»: существуют ли гендерные различия в академической профессиональной коммуникации? / Б. Барон // Гендер и язык – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 511–538.
2. Кирилина А.В., Маслова Л.Н. Некоторые особенности устной научной дискуссии // Языковое сознание: Парадигмы исследования / под ред. Н.В. Уфимцевой и Т.Н. Ушаковой. – Москва–Калуга, 2007. – С. 255. – 276.
3. Кирилина А.В., Маслова Л.Н. Устная научная дискуссия: взаимосвязь конструирования гендера и статуса компетентного лица // Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования / Под ред. Элизабет Шоре, Каролин Хайдер, Галины Зверевой / Sex. Gender. Kultur. Deutsche und russische Forschungen / Hrsg von Elisabeth Cheaure, Carolin Heyder und Galina Zvereva. – М, 2009. – С. 231. – 260.
4. Кирилина А.В. Гендерная специфика академической коммуникации: исследования в русистике и германистике // Вестник НГЛУ, № 2, 2010 (В печати).
5. Маслова Л.Н. Выражение согласия/несогласия в устной научной коммуникации (гендерный аспект): Дисс. ... к-та. филол.н. – М., 2007. – 158 с.
6. Маслова Л.Н., Кирилина А.В. Гендерные аспекты авторитетности // Авторитетность и коммуникация: коллективная монография; серия «Аспекты языка и коммуникации»; Вып. 4 / Под общ. ред. В.Б. Кашкина. – Воронеж: Воронежский государственный университет; Издательский дом Алейниковых, 2008. – 216 с. – С. 52-74.
7. Baron B. “Geschlossene Gesellschaft”. Gibt es geschlechtsspezifische Unterschiede im universitären Fachgespräch? / Baron, Bettina // Gender Studies an der Universität Konstanz. Vortragsreihe in Sommersemester 1996. – Konstanz, 1996. – S. 114–129.
8. Baron B. Die Inszenierung des Geschlechterverhältnisses im akademischen Streitgespräch. Zur Kontextabhängigkeit der Dissensformatierung / Baron, Bettina // Jahrbuch Arbeit. Bildung. Kultur / Hrsg. vom Forschungsinstitut für Arbeiterbildung. – Bd. 14. – 1996. – S. 69–80.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Под ред. Н.В. Уфимцевой, В.В. Красных, А.И. Изотова. – М.: МАКС Пресс, 2010. – Вып. 40. – 156 с. ISBN 978-5-317-03524-2

9. Baron B. “Freiwillige Selbstkontrolle” im Fachgespräch: Selbstkritik und Skopuseinschränkung in Beiträgen von Wissenschaftlerinnen / Baron, Bettina // Zeitschrift für Germanistische Linguistik – 1998. – S. 175–201.